

если большинство исследователей, в том числе и сам В. И. Стеллецкий, не усматривали и не усматривают в мусин-пушкинской рукописи спутанности листов и не видели и не видят логической непоследовательности в расположении указанных абзацев в этой рукописи? Если не предположить, что в приведенной выше фразе В. И. Стеллецкого допущена собственная авторская рассеянность, по причине которой спутаны переписчик оригинала мусин-пушкинской рукописи с его писцом, то по прямому смыслу фразы выходит, что переписывавший мусин-пушкинскую рукопись с ее оригинала должен был переписывать ее на листах точно такого же размера, что и размер оригинала, и с таким же точно количеством текста на каждом листе. Конечно, никто из защитников перестановки этого не предполагал и не мог предположить, зная, что мусин-пушкинская рукопись была форматом в нормальный бумажный лист. Может быть, смысл фразы В. И. Стеллецкого тот, что и писец оригинала мусин-пушкинской рукописи не мог заключить лист законченным абзацем? Но почему же не мог и почему это было бы исключительной случайностью, как утверждает В. И. Стеллецкий? Это трудно понять, как, повторяем, трудно вообще понять ход рассуждений автора в выше приведенной его фразе.

А. И. Соболевский указывал на то, что в древнерусских рукописях мы не раз сталкиваемся с путаницей листов, и в качестве примера привел такую путаницу в списке «Бесед» папы Григория Великого, обнаруженную Горским и Невоструевым, происшедшую еще в глубокой древности и повторяющуюся во всех списках «Бесед» вплоть до погодинского списка XIII века.¹ Другие два примера такой же путаницы листов в позднейших летописных списках привел В. Н. Перетц.² Поэтому нет ничего необычного в том, что такая же путаница листов могла быть допущена и в одном из списков «Слова о полку Игореве», предшествовавшем мусин-пушкинскому.

По расчету Соболевского текст, содержащий абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. . .», занимал один листок, исписанный с обеих сторон, а текст с абзацем «О Бояне, соловію стараго времени. . .» — два листка, так же исписанных. Таким образом, на каждую страницу этих листков приходилось бы приблизительно от 180 до 200 букв. Пишущий эти строки первоначально (в статье 1950 года) усумнился в том, что рукопись хотя бы малого формата, хотя бы написанная крупным уставом (по предположению Соболевского на пергамене, что предполагать вовсе не обязательно) могла содержать на странице такое малое количество текста, и предпочел расчет текста на странице, сделанный В. Н. Перетцом, который увеличил его вдвое, но этот расчет оказался ошибочным, что признано было впоследствии самим В. Н. Перетцом и от чего отказался и автор этих строк, признав правильным расчет Соболевского.

В. И. Стеллецкий всецело разделяет мое первоначальное мнение о сомнительности столь небольшого объема текста на страницах предполагаемой Соболевским рукописи со спутанными листами, и это является в его глазах лишним аргументом против моих доводов. Но действительно ли очень небольшое количество текста, какое Соболевский предполагает в одной из рукописей «Слова», предшествовавшей мусин-пушкинской, является столь необычным в древнерусской рукописной традиции? Обратимся к фактам. В Святославовом сборнике 1076 года на каждую страницу

¹ А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. ИОРЯС, XXI, кн. 2, 1917, стр. 211—212.

² В. Перетц. «Слово о полку Игоревім». Киев, 1926, стр. 40.